

УДК 1(091)

К.М. Атымтаева, А.Б. Есеналиева

**Деривация понятия о смысле в аналитической философии
Б. Рассела, Г. Фреге, Дж. Уотсона, Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна**

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Аннотация. В статье рассматривается проблема сравнения понятия смысла в аналитической философии Б. Рассела, Г. Фреге, Дж. Уотсона, Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна. Здесь концепты могут сохранять свое объективное значение и без экстенсионалов, равно как и предложения без референтных указаний могут по-прежнему иметь объективно пропозиционное содержание. Такое отделение понятия значения от понятия смысла имеет далеко идущие результаты в философии языка и смысла XX века.

Ключевые слова: язык, романтизм, идеализм, смысл, аперцепция, слово, дискурс, разум, семантика.

В широком смысле, XIX век был охарактеризован повышением интереса к истории и историческому развитию, каковой интерес возник во многом благодаря естественно произошедшему отказу от идущего от времен Платона убеждения о том, что мир наполнен статическими формами и неизменными естественными видами. Новый подход, согласно которому мир и его содержание представляют собой изменчивую и развивающуюся структуру, повлиял на возникновение новых течений во всех отраслях науки: эволюционизму в биологии стали соответствовать историческая лингвистика (на смену которой в XX веке пришла структурная) и возникшая в германоязычном мире научная психология. Вместе с созданием У. Джонсом теории индоевропейских языков в философии языка возникло течение эволюционистов, обратившихся к попыткам восстановления смыслов и форм слов вплоть до так называемого *Ursprache*, или первоязыка, связывавшегося в теории с самыми основами мышления перволюдей, основами, впоследствии результативными в смысловых формах *ratio* и *mens* современного человека. А. Шлейхер, например, рассматривал язык не как орган смысла, но как цельный смысло-организм, развивающийся одновременно в своих аспектах языка и смысла по правилам биологической таксономии. То есть историческая лингвистика в части теории смыслов в XIX веке характеризовалась, главным образом, доктринарным уложением немецкого идеализма о том, что язык не просто отражает смыслы среды (реальности), *f* участвует в процессе конституирования этой среды (нелишним

будет сказать, что эта теория, фактически, являлась прототипом будущих течений так называемой школы Сепира-Уорфа): например, В. фон Гумбольдт утверждал, что в языках обнаружимы «внутренние формы смысла», системы звукозначения, порождающие различия в мировоззрениях обществ, говорящих на разных языках.

Тенденции немецкого романтизма и идеализма, породившие значительное повышение спекулятивности в исследованиях смысловых особенностей языка (главным образом, это относится к этимологии), сработали в качестве толчка к возникновению в конце XIX века нового течения младограмматиков (*Jungergammatiker*), представители которого, заклеив господствующие представления о смысле языка и смыслах в языке антинаучными, вновь устремились к методологическому эмпиризму в противовес идеалистической спекулятивности: можно даже сказать, что некоторые младограмматики отказались от философского аспекта восприятия категорий смысла, сконцентрировавшись на чисто лингвистических фонологических штудиях. С другой стороны, правое крыло движения было вовлечено в деятельность по соединению теорий смысла с развивавшимися в то время социальными науками: например, Г. Пауль ассимилировал психологию И. Герберта с теориями смысла, сформулировав идею об организации семантической памяти в бессознательном – слова как смыслы, утверждал Пауль, категорируются иерархическими кластерами, рационально проиндексированными по семантическому содержанию и грамматическим функциям таким образом, чтобы нужный смысл

в слове мог быть достигнут в любое время при течении речи. Младogramматическое движение в оппозиции крайнему историзму своих ближайших предшественников достигло своей высшей точки в учении Ф. де Соссюра, начинавшего свою деятельность как младogramматик и основавшего затем школу структурализма, доминировавшую в философии языка и смысла вплоть до революции Хомского в XX веке.

Как явствует из примера с семантической теорией Пауля, лингвисты и философы в конце XIX века были полностью готовы к объединению с психологами для достижения большей объемности своих теорий смысла. Аналогичное движение можно было заметить и в среде психологов: так, В. Вундт, основатель первой в истории психологической лаборатории, выступил в качестве автора нескольких крупных работ по «психологии языка», где, следуя традициям немецкого рационализма и принимая суждение или пропозицию за фундаментальный психологический акт, Вундт предпринял попытку проведения всестороннего анализа тех категорий единения смысла и суждения, которые позволяют внутренним значениям воплощаться в предложениях. Производство предложения в языке, по Вундту, начинается с апперцепцией общего впечатления о некоей идее, удерживаемой затем в рациональных структурах в качестве общности, разделяемой во время языкового осмысления таким образом, чтобы ее компоненты соответствовали грамматическим формам. Производство внешнего смысла, можно сказать, достигается путем разложения мысли (внутреннего смысла) на синтаксические категории, которые, однако, продолжают оставаться единым целым в своем функциональном аспекте. Оттого, что кратковременная память лимитирована в своих объемах, грамматическая структура, по Вундту, организована в фазы, начинающиеся со смыслов подлежащего и сказуемого и расширяющаяся вплоть до реально-физического выражения, выносящего внутренние смыслы. Подобные исследования и заключения близки к кантовской идее примата предложения как основного носителя смысла (в отличие от господствовавшего до Канта восприятия слов/имен в этом качестве) и противопоставлены атомизму и английскому эмпиризму. Пропозиционные значения, или «необразные мысли», выдвинутые Вюрцбургской школой, также направлены против убеждения эмпириков о том, что смысл может быть отождествлен

с ментальным образом, произведенным от чувственного восприятия реальности.

Идеи структуралистов через посредство распространяющейся повсеместно эволюционной теории, достаточно быстро достигли Англии и Америки, и после появления влиятельного сочинения Ч. С. Пирса «Как сделать идею понятной», в англоязычном мире распространилась теория о смысле как совокупности концептов и пропозиций, развитая, в частности, такими философами, как У. Джеймс и Дж. Дьюи. Джеймс рассматривал смысл в прагматическом отношении, связывая этот подход с функциональной психологией индивидуальности: язык в рамках этого учения представляет собой руководство для будущих смыслов, а утверждение функционирует как вспомогательное средство для его движения в будущее, истинность смысла же может быть измерена через эффективность взаимодействия этого смысла со средой. Вся интеллектуальная активность, таким образом, рассматривается как биологическая утилитарная практика, а смыслы в своем качестве продуктов интеллектуальной деятельности представляют собой один из видов социальной адаптации. Подход Дьюи несколько отличается от изложенных теорий Джеймса: несмотря на то, что язык также воспринимается им в виде дарвинистского инструмента для повышения эффективности работы, смыслы, однако же, представляются Дьюи как явления социологического порядка, принадлежащие общинным образованиям. Критикуя доктрину позднего Витгенштейна о смысле как практическом приложении, Дьюи утверждает, что «звук, жест или написанный знак, вовлеченные в язык, являются самостоятельными явлениями. Однако же слово не таково, поскольку оно не становится словом через объявление об интеллектуальном существовании, оно становится словом – через присоединение смысла; и этот смысл присоединяется в том лишь случае, если слово используется через единство действий. Человек и вещь одинаково служат орудиями в общем, разделенном между субъектами умозаключении. И эта общность значения и является смыслом». Распространимость смысла на сеть социальных дискурсов стала темой, последовательно рассматриваемой школой диспозиционного бихевиоризма Ч. Морриса и социального бихевиоризма Дж. Г. Мида. Изменяя представление Джеймса об индивидуальных смыслах на противоположное, Мид доходит до объявления самих понятий разума и самости

конструктами социального взаимодействия и общности разделенных смыслов (в этом можно обнаружить параллель со спором Юма и Беркли, в ходе которого Юм выставил аргумент о берклианской редукции таких понятий, как разум и самость).

Влияние дарвинизма на англо-американскую философию смыслов, таким образом, привело к пониманию смысла как контекстуализации социальных сред, в то же время более радикально-холистические взгляды на смысл развились в среде германских философов XIX века. Как известно, И. Кант, идеи которого имели для немецкой философии XIX века чрезвычайно большое значение, предполагал, что весь опыт индивида фильтруется через имманентные когнитивные образования, в результате чего человеческое значение оказывается целиком отрезанным от того, что представляют вещи-в-себе в экстраментальных средах. Последователи Канта в идеалистской и постидеалистской традициях немецкой философии продолжили эту мысль тем соображением, что, если всякое знание осуществляется посредством предсуществующих ментальных структур, то и язык, равным образом, отрезан от всего нелингвистического. Языки как свободно существующие символические системы имеют внешнюю когеренцию, однако, в представлении неокантианцев, они не могут нести ни истины, ни каких-либо смыслов, имеющих отношение к реальности. С. Блэкбёрн описывает это разъединенное состояние языка и смысла следующим образом: «идеализм XIX века обрубаёт всякую связь между языком и миром, по крайней мере, если мир рассматривать как нечто отличное от мысли. Язык и мысль представляются целиком самозаключаемыми в некоем солипсическом единстве (как это происходит и в деконструктивистской традиции, согласно которой ничто не лежит за пределами текста, так как любая попытка соединить текст с чем-то вне его только производит большее количество текста). При подобном подходе основной жертвой становится истина, которая перестает рассматриваться как связующее звено между языком и миром и становится либо единством и целостностью всей структуры суждений (когерентная теория истинности), либо тем эффектом, который воспроизводится словами при направленном их использовании». Язык, из которого устранена его референтная функция, может представлять значения только интернально, в форме внутрикуль-

турных лингвистических конструкций. Такая разработка смысла может возыметь место через генерацию новых значений от старых путем метафорического смыслового трансфера или через интерпретацию и обновление укорененных в культуре мифов и нарративов.

Ко времени смены веков все тенденции в теории смыслов были уже в достаточной степени разработаны для появления на их основе новых подходов к проблеме смысла. Помимо структурализма, в XIX веке была выработана сложная система когнитивной психологии языка, а также был заложен базис для исследования проблемы смысла с точки зрения метафористики и передаваемых посредством культуры нарративов. Благодаря появлению эволюционной биологии, имевшей влияние практически на все научные сферы, в лингвистике и философии языка возникли тенденции к толкованию смысла как биологического феномена, данного либо в форме анималистического аффекта, либо как варианта медиатора бихевиористических устремлений, либо в качестве адаптации индивидуального поведения к среде.

К наступлению XX века революционные новшества в символической логике начали стимулировать обновление интереса к проблемам языка и значения в среде англоязычных философов. Аналитическая философия, ставшая фактическим результатом этого лингвистического поворота, вновь начала пользоваться аппаратом формальной логики для апеллирования к проблемам смысла. Логический атомизм Б. Рассела и раннего Л. Витгенштейна, например, постулирует, что достаточно сильный логический аппарат высказывания имеет возможность направить язык таким образом, что его лексические компоненты нацелятся непосредственно на экстралингвистические объекты мира (так называемая изобразительная теория смысла). Однако уже на первых стадиях разработки этой теории был поставлен вопрос о том, можно ли рассматривать смысл в его редуцированном до референтных значений отношении как собственно смысл сам по себе. Среди важнейших концепций аналитической философии в связи с постановкой такого рода вопросов возникло в том числе очерченное Г. Фреге разграничение между смыслом и значением (*Sinn und Bedeutung*): «те случаи, когда одно придаточное нельзя заменить другим с тем же истинностным значением, не противоречат нашему взгляду, что истинностное значение явля-

ется значением предложения, смыслом которого является мысль». Продолжая и расширяя более раннюю концепцию Дж. С. Милля (о разграничении между коннотацией и денотацией), Фреге заключает, что теория смысла должна рассматривать не только значение какого-то высказывания, но и его смысл, то есть когнитивную ценность, или тот концепт, который передается реципиенту речи в том случае, если высказывание понято им. Согласно Фреге, ощущения (намерения) составляют ту группу стимулов, которая позволяет ассигновать референты высказываниям (точнее, их денотатам или экстенционалам), и, что особенно важно, они могут функционировать в качестве значений нереперентных выражений (подобных, как говорит Фреге, названиям мифических существ) и предложений, описывающих несуществующее в реальности положение дел. По мнению Фреге, концепты могут сохранять свое объективное значение и без экстенционалов, равно как и предложения без референтных указаний могут по-прежнему иметь объективно пропозиционное содержание. Такое отделение понятия значения от понятия смысла (отделение, в общих чертах встречающееся уже у стоиков в доктрине лектонов, и по-прежнему сохраняющее свои позиции в аналитической философии) имеет далеко идущие результаты в философии языка и смысла XX века. Рассмотрев особенности интердисциплинарной науки о смысле в конце XIX и в XX веке, мы выделили несколько тенденций в рамках этой науки, одни из которых прямо производятся от немецкой романтической школы, объединяясь с биологическими и лингвистическими достижениями XIX века, другие же тяготеют к возрождению эмпиризма и эпикурейско-скептической методологии как наиболее узко и строго научной. Стоит отметить, что некоторые важные концепции (например, витгенштейновская) рассмотрены нами лишь в самых общих чертах, а позднейшие теории – начиная с деконструктивизма и постмодернизма – не рассмотрены вовсе. Это связано с тем, что, избрав для теоретической репрезентации более раннюю аналитику, названные теории мы оставляем для их применительной экспозиции в дальнейшей практической работе. Мы затронули проблему преемственности традиций и показали пути объединения философско-психологического учения Вундта с более поздними и достаточно отличными по методологическому аппарату школами англо-американского структурализма (Джеймс и

Дьюи, через Пирса), а также предположили возможность циклического хода идеи, в результате которого обновленные идеи структуралистов вновь вернулись в германоязычный мир, постепенно сливаясь с приобретающей в Германии XIX века всё большее значение кантовской теорией познания. Обратившись к среднему периоду структурализма в философии языка и смысла, мы в первую очередь отметили некоторые различительные особенности дескриптивизма Фреге и Расселла, показав, что понятие «семантики Фреге-Расселла» должно быть во многих аспектах пересмотрено. Кроме того, проанализировав тенденцию сближения теорий смысла и значения у Фреге и Гуссерля, мы выделили, во-первых, систему именной референтности у Фреге (семантическое деление на предложение, которое присоединяет смысл как мысль и значение как категорию истинности; деноминат, присоединяющий смысл собственного имени и его значение как объекты, и концептуальное слово, значение которого выражено концептом и может включать в себя все подпадающие под концепт объекты), во-вторых, отвергли то условное представление об аналогичной системе у Гуссерля, которое было предложено Фреге в 1891 году (согласно которому смысло-значение универсального имени у Гуссерля присоединяется с точностью так же, как это происходит с концептуальным словом у Фреге) и, в-третьих, выстроили собственную схематическую систему, позволяющую рассмотреть именную референтность по Гуссерлю в развитии как самостоятельную систему.

Нами была продемонстрирована связь концепции Дж. Уотсона с русской школой рефлексологии, а также то, каким образом бихевиоризм Уотсона был абсолютизирован Б. Скиннером, что послужило толчком для развития противопоставленной бихевиоризму (хотя и заимствующей некоторые его положения) когнитивной традиции в философии языка и смысла. Особое внимание мы уделили намеченному Э. Шпехтом во второй половине XX века вопросу о подходе к теории смысла собственного имени у Л. Витгенштейна – можно сказать, что в полном виде этот вопрос был поставлен нами впервые. Путем *contradictio in contrarium* мы показали, какой из двух вариантов решения этого вопроса более уместен, а именно, вариант перенесения подхода к разделению между объектом и его значением с деноминатов на слова в целом. Этот подход, по нашему мнению, позволяет интерпретировать и

в разной степени интеллигибировать две различные линии подхода к семантике, что позволит в значительной степени повысить аппликабельность теорий смысла, изложенных Витгенштейном на поздних стадиях его логико-философской работы.

Литература

- 1 Schleicher, A. *Linguistik und Evolutionstheorie*. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1983. – 160 s.
- 2 Carl, W. *Sinn und Bedeutung: Studien zu Frege und Wittgenstein*. – Frankfurt: Hain, 1982. – 233 s. S. 123–130.
- 3 Frege, G. *Schriften zur Logik und Sprachphilosophie: aus dem Nachlaß*. – Leipzig: Meiner Verlag, 2001. – 217 s. S. 27.
- 4 Blackburn, S. *History of the philosophy of language / The Oxford companion to philosophy* Oxford: Oxford University Press, 1995. – P. 454–458.
- 5 Hume, D. A. *Treatise of Human Nature*. – London: Dent, 1983. – 543 p. P. 345–400.
- 6 Mead, G. H. *Mind, Self and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934. – 233 p. P. 124–186.
- 7 Dewey, J. *Experience and Nature*. Chicago: Open Court, 1993. – 456 p.
- 8 James, W. *The Principles of Psychology*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. – 318 p.
- 9 Peirce, C. S. *How to Make Our Ideas Clear // Popular Science Monthly*. №12. 1975. – P. 286–302.
- 10 Wundt, W. *Philosophische Studien*. 1.B. – Berlin: Berlin Verlag, 1999. – 505 s. S. 251–260.

К.М. Атымтаева, А.Б. Есеналиева

**Б. Рассел, Г. Фреге, Дж. Уотсон, Э. Гуссерль және Л. Витгенштейннің
аналитикалық философиясындағы мән ұғымының деривациясы**

Бұл мақалада негізінен қаралатын мәселе Б.Рассел, Г.Фреге, Дж.Уотсон, Э.Гуссерль және Л.Витгенштейннің аналитикалық философиясындағы салыстыру түсінігі. Мұнда концепттер өзінің объективтік мағынасын экстенционалсыз сақтайды, сондай-ақ референтсіз нұсқаулардағы сөйлемдер сол бойынша объективтік пропозициондық мазмұнды білдіреді. XX ғасыр тіл және мағына философиясы мағынамен мәннің түсініктерін бөліп қарайды.

K.M. Atymtayeva, A.B. Yesenaliyeva

**The Derivation of meaning of sense in analytic philosophy
of B.Russel, G.Frege, J.Watson, E.Gusserle, L.Vitgenshtein**

In article the problem of comparison of concept of sense in B. Russell, G. Frege's analytical philosophy, is considered by J. Watson, E. Gusserle and L. Vitgenstein. Here concepts can keep the objective value and without extensional, no less than offers without referential instructions can have objectively pro-item contents still. Such separation of concept of value from concept of sense has far-reaching results in philosophy of language and sense of the XX century.